

Зверева Полина Константиновна

САКРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНА

Внимательное рассмотрение эволюции важнейших концептов: сакральное, священное, закон, суверен, ритуал - приводит к выводу об отсутствии их универсального понимания. Формы и практики религиозной жизни сменили свои наименования и стали неотъемлемыми атрибутами современного государственно-правового устройства. Исследуется феномен сакрализации и десакрализации предметов окружающей действительности с использованием лингвистического анализа юридических и религиозных текстов. Описываются механизмы наделения сакральностью юридических текстов и государственных институтов, таких как судьи и президенты. Объясняются модели воспроизводства и поддержания сакральных текстов и социальных институтов особенностями сознания человека и социальными практиками. Рассмотренные примеры указывают на переход сакральности от Священного Писания на светские тексты, такие как Конституция. Приведение к присяге первых лиц в государстве заменяет собой ритуал коронации, Защитник Веры становится Гарантом Конституции. В работе прослеживается эволюция элементов сакральности от первобытных обществ до высокоразвитых информационных обществ постиндустриального мира, имеющих целью социальное регулирование общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 96-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1

Философские науки

Внимательное рассмотрение эволюции важнейших концептов: сакральное, священное, закон, суверен, ритуал – приводит к выводу об отсутствии их универсального понимания. Формы и практики религиозной жизни сменили свои наименования и стали неотъемлемыми атрибутами современного государственно-правового устройства. Исследуется феномен сакрализации и десакрализации предметов окружающей действительности с использованием лингвистического анализа юридических и религиозных текстов. Описываются механизмы наделяния сакральностью юридических текстов и государственных институтов, таких как судьи и президенты. Объясняются модели воспроизводства и поддержания сакральных текстов и социальных институтов особенностями сознания человека и социальными практиками. Рассмотренные примеры указывают на переход сакральности от Священного Писания на светские тексты, такие как Конституция. Приведение к присяге первых лиц в государстве заменяет собой ритуал коронации, Защитник Веры становится Гарантом Конституции. В работе прослеживается эволюция элементов сакральности от первобытных обществ до высокоразвитых информационных обществ постиндустриального мира, имеющих целью социальное регулирование общества.

Ключевые слова и фразы: сакральное; закон; право; государство; суверен.

Зверева Полина Константиновна

Тюменский индустриальный университет

polyusha@inbox.ru

САКРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНА

Цель настоящей статьи – описать сакральные аспекты закона от первых протогосударств до настоящего времени. Актуальность исследования продиктована существованием на протяжении столетий устойчивых общественно-политических образований. Одной из возможных его причин является модель *сакрализации* (в смысле *освящения*) государственно-управленческого аппарата и формулируемых им правил, предписаний, запретов. Усилиями учёных описаны многочисленные сообщества, которые являются и бесписьменными, и не имеют государства в современном понимании. Результаты изучения антропологами локальных систем позволяют проецировать взгляд на прошлое человечества либо делать вывод о существовании альтернативных путей развития человеческого общества.

Вопросы сакрального и механизмы сакрализации власти, правителя рассматриваются в рамках нескольких научных дисциплин. Наиболее известные подходы: философско-религиоведческий (Рудольф Отто); философия и история религии (Мирча Элиаде); социологические (Эмиль Дюркгейм); психологические (Карл Густав Юнг); происхождение религии и мифологии (Дж. Фрэйзер, М. Мосс, Р. Жирар). Тема соотношения власти и сакрального остаётся актуальной на протяжении нескольких тысячелетий. Философские дискуссии на эту тему по-прежнему популярны в современном обществе.

Английский религиовед и этнолог Джеймс Фрэйзер (1854-1941), изучая источники религиозного миропонимания, пришёл к выводу: «...древние цари обычно были и жрецами, мы далеко не исчерпали религиозную сторону их функций. В те времена божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твёрдой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов...» [15, с. 18].

По Дюркгейму, «важнейшим признаком сакрального является его неприкосновенность, запретность, отчужденность» [Там же]. «Запретность, табуированность святого есть коллективное установление» [Там же]. Указанное позволило утверждать, что «*сакральное в сущности своей социально*» [Там же]. Общественные институты наделяют собственным высшим социальным и моральным побуждением облик священных образов, символов, что в результате позволяет добиться категорического подчинения коллективным требованиям. М. Мосс поддержал Дюркгейма, говоря о том, что «сакральные явления – в сущности те социальные явления, которые в силу их важности для группы объявлены неприкосновенными» [Там же].

В работах известных французских антропологов, философов и эссеистов делается попытка раскрыть возникновение сакральности у человека в процессе тысячелетий цивилизации, опираясь в том числе на полученные данные антропологических исследований. В своём произведении французский антрополог, писатель и эссеист Роже Кайуа [9, с. 152] постулирует, что святость – это как стабильное, так и преходящее свойство некоторых вещей (объекты поклонения), некоторых людей (цари, священники), некоторых пространств (храмы, церкви, святыни) и даже некоторых моментов во времени (воскресенье, Пасха и Рождество). Все может стать носителем сакральности и, таким образом, получить в глазах человека или целого коллектива ни с чем несопоставимый престиж. Кроме того, все может и потерять данное качество. Вещи сами по себе не обладают этим качеством, их наделяет им своего рода мистическая благодать.

Приведённое определение расширяет и даже делает *открытым список* того, что может стать сакральным объектом, т.е. это не только царь (король, князь, феодал, глава племени) – это может быть что угодно.

Вследствие формализованности письменного языка права закон является точным инструментом познания общества, поскольку юридические формулы являются общепринятыми и стабильными. Общество, руководствуясь собственными требованиями, наделяло формулы и клише многими функциями, включая как установление легитимности документа, повышение доверия к его содержанию, событиям, так и сакрализацию отношений, отраженных в документе [1, с. 100].

По мнению французского учёного Ж.-Л. Бержея, «народностям Африки, Океании и Азии ещё и теперь известны только обычаи, а тот факт, что эти обычаи сохраняют *священный характер*, во многом способствует их авторитету» [3, с. 109]. Для туземного населения Африки выработанный в результате коллективных усилий обычай имел сакральный характер и сохранял своё действие в туземном социуме, несмотря на обличения данного обычая в правовую норму в законе, принятом либо государственным образованием туземцев, либо колониальной администрацией в форме «туземного кодекса».

Гарольд Дж. Берман в своём признанном труде «Западная традиция права: эпоха формирования» полагает, что «при *Карле Великом* сложилось представление о короле как правителе “христианской империи”, языческие общественные институты продолжали занимать господствующее положение... Церковь *десакрализовала* природу и сделала колдовство и суеверия грехом, но человек германского общества продолжал верить в призраков и духов камней и деревьев, продолжал колдовать, да и сама церковь, в конце концов, ассимилировала многие языческие суеверия и – в особенности в области права – облекла их в христианские формулы и обряды» [5, с. 84–85]. Для Г. Дж. Бермана право представляется как вечно развивающееся начало человеческой цивилизации, культуры, философии. Автор утверждает, что «во всех обществах право поощряет веру в свою собственную святость. Оно выдвигает требование послушания, пользуясь способами, которые апеллируют как к материальным, безличным, конечным и рациональным интересам людей, так и к вере их в истину и справедливость, превосходящие общественную пользу, – то есть способами, не соответствующими секулярно-материалистической картине, представленной господствующей теорией» [4, с. 19].

Один из важных выводов Г. Дж. Бермана состоит в том, что «даже в тех обществах, где между правом и религией существует резкое разграничение, они нуждаются друг в друге – право даёт религии социальное измерение, а религия одухотворяет право, внушая тем самым уважение к нему. Там же, где религия и право отделены друг от друга, последнее обнаруживает тенденцию к превращению в законничество, а религия – к превращению в религиозность» [Там же, с. 15–16].

А. А. Вилков и Т. И. Захарова [7, с. 3] полагают, что между *религиозным* и *сакральным* нет знака равенства. Объект религиозного почитания, удаляясь от наблюдателя, представляется в виде косвенных действий, выражается заменой его символов, которые не оказывают основополагающего влияния на повседневную организацию жизни людей и только лишь частично затрагивают структуру политического процесса. Объект политической сакрализации – власть – всегда наполняет политическую жизнь людей, а атрибутами и символами такого присутствия является часть повседневной жизни.

Бог наделяет властью князя (императора, царя), ритуалы посвящения (помазания на царство/престол) выполняются Главами соответствующих религиозных конфессий, т.е. наместниками Бога на земле. И светская, и церковная власть не могут строить царства не на божьих заповедях. Захватнические и грабительские войны на словах сопровождались стремлением «вразумить» дикарей, «защитить веру», «выполнить волю Господа» и т.д. Объявление целью войны грабежа мирных жителей и насилия над ними нигде не провозглашалось, за исключением пиратских или подобных полувойнных образований. Сама концепция земной жизни трактовалась только как подготовка к жизни вечной «загробной», богоугодными делами и поступками в земной жизни открывались ворота в Царствие Небесное. По мере того, как Бог отделяется из сознания индивидуума и общества, в освободившееся пространство приходят формальные институты Церкви и/или светского правителя (светской власти), которые подменяют собой Бога (богов, Природу), требуют подчинения себе как Богу; заявляют о собственной непогрешимости и богоизбранности; и/или издают Законы его именем; светская власть требует клятвы верности себе от служащих/подданных/граждан; суды же требуют клятвы на Библии; власть печатает деньги с именем Бога (*In God We Trust* – рус. *Мы доверяем Богу*, официальный девиз США, а также штата Флорида).

Мы согласны с мнением Норбера Рулана [11, с. 245], который полагал, что государство стремится занять место в наших умах, ранее принадлежавших Богу, в той мере, в какой стало возможным говорить о «государственном провидении», как и ранее говорилось о «Божественном Провидении». В этом смысле государство проявляется как одна из связей, объединяющих человека с Божественным. В любом случае государство является гарантом фундаментальных ценностей общества, защитником граждан и хранителем права.

Давая определение термину «государство», Юзеф Бохеньский резюмирует, что «с государством связаны два суеверия... первое состоит в *обожествлении* этого института, в отношении к нему как божеству, которому все дозволено, в отличие от личности и других организаций, которые лишены всяких прав. Это заблуждение не имеет под собой оснований... ибо государство всего лишь абстракция, в конкретной действительности ей соответствует организация чиновников, которые конечно заинтересованы в том, чтобы у них была власть. Второе, противоположное первому, суеверие – считать государство не только ненужным, но и прямо вредным, и требовать его ликвидировать ради счастья людей. Этот предрассудок известен под названием *анархизма*» [6, с. 36–37].

До настоящего времени остаётся дискуссионным и вопрос о первичности права и государства. Позиция тех учёных, кто поддерживает первичность государства, является убедительной в их рассуждениях о том, что государство «одаривает» нас правами и защищает от их нарушения, используя механизмы избирательного применения насилия. За пределами таких рассуждений остаются вопросы существования на протяжении нескольких тысячелетий многочисленных этнических групп, не имеющих государства, не имеющих письменности. Следовательно, при рассмотрении сакральных аспектов закона необходимо учитывать во взаимосвязи вопросы возникновения письменности, права и государства. Вопрос первичности появления государства или права является краеугольным, поскольку как юристы, так и историки могут не понимать природу обычного права. Первые утверждают, что право не может возникнуть раньше государства, вторые – относят зарождение обычного права к эпохе развитого племенного строя [14, с. 49]. Так, в понимании В. В. Мавродина, А. А. Зимина, И. Я. Фроянова, Я. Н. Щапова «обычное право возникает *раньше*, чем Древнерусское государство» [Там же].

Мы разделяем позицию И. Н. Фалалеевой: «...позитивное отношение к обычному праву у отечественных правоведов было утрачено в связи с отрицанием классического, известного ещё римским юристам тезиса о том, что право есть порождение общества, а не государства... в процессе становления государства и на раннем этапе его развития во всех обществах (в том числе и в Древней Руси) возникает письменное законодательство – один из важнейших атрибутов государственной власти» [Там же, с. 50]. В свою очередь, Норбер Рулан так описал результаты конкретных юридико-антропологических исследований правовых систем архаических обществ: «...устное право представляет собой способ общения, способствующий образованию определённой модели общественных отношений. Речь идёт об общинной модели, которая не является ни индивидуалистской, ни коллективистской... классические юридические теории характеризуются обычно довольно уничижительным взглядом на *устное право*. Оно определяется негативно по сравнению с письменным правом» [11, с. 69].

Сакральностью могут наделяться любые объекты языковой и внеязыковой действительности. Один из наиболее простых способов сакрализации закона и, вероятно, наиболее древний – указание на создателя закона (высшее, бестелесное существо – *Бог*), которым он наделяет людей и за нарушение которого (закона) он наказывает. Другой способ – это жрецы-цари (или верховные жрецы-служители культа), которые получают закон как божественное послание. Третий способ – царь (король, королева, князь) как хранители веры и её защитники, наделённые правом творить закон во Славу Бога и наказывать нарушителей. Следовательно, для обоснования второго и третьего важнейшим способом создания легитимности правителя является вопрос его происхождения от могущественных Богов или просто Богов. В исследовании С. В. Санникова указывается на значение мифа о происхождении рода правителя как источника легитимности его власти: «Римляне возводили род первого царя к *Марсу*, германцы возводили правящие династии к *Одину* и *Фрейру*... представление о сакральном характере королевских родов отличалось в германских обществах значительной устойчивостью...» [12, с. 200]. Отмечая значимость королевского рода как определяющего фактора легитимности публичной власти у германцев, С. В. Санников [Там же, с. 204] указывает, что следующий этап сакрализации ассоциировался с представлениями об отличительных чертах и некоторой харизмой, передаваемой членам семьи по наследству, когда священное значение королевской семьи как одного из определяющих факторов легитимности власти сохраняется в течение длительного периода времени, в том числе после принятия германскими народами христианства.

Мишель Пастуро известен своими трудами по истории средневековой символики. Описывая сакральные объекты, окружающие французских монархов, Пастуро сообщает, что «в течение нескольких веков королевская пропаганда, основанная на геральдических лилиях, будет вращаться вокруг следующей идеи: король Франции, отвечающий за спасение своих подданных, исполняет миссию, возложенную на него Богом; лилии, украшающие его печать и гербовый щит, свидетельствуют об этой миссии и подчёркивают религиозное значение королевской власти... эта особенность одновременно представляет собой и эмблему, и символ» [10, с. 108-109].

Государственный герб Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии содержит девиз монарха Великобритании: “*Dieu et mon droit*” (франц. «Бог и моё право»), что означает со времён Генриха V (1413-1422) божественность прав монарха на корону. Парламент Великобритании и сейчас создаёт законы от имени Королевы («Королева в парламенте») – официальное название британской законодательной системы, которая состоит из Королевы, Палаты Лордов и Палаты Общин), и каждый закон несёт эмблему герба с надписью “*Dieu et mon droit*”. Согласимся с утверждением, что «правотворчество как создание нормы в праве и юридический разум в целом базируются исходно на религиозном идейном фундаменте» [13, с. 171]. Примеры сакрального характера власти были известны ещё античному миру. В рассмотрении государственных законов, предлагаемых Платоном, проявляется аспект сакрального [2, с. 8]. Он подчёркивает: «...есть два вида государственного устройства: один – где над всем стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы» [Там же]. Несмотря на то, что земной правитель наделен властью, он все же находится в подчинении у божественного законодателя.

Эволюционное развитие человеческого общества, создание протогосударства, а затем государства сопровождалось одновременным развитием концептов: священное, сакральное, запретное (табу), государство, государь (князь, царь, император, конунг, вождь и пр.), закон, право, государство. Идея сакрального, наделения сакральным смыслом (элементов) сущностей языковой и внеязыковой действительности, по нашему мнению, является моделью иерархизации связей в обществе и одной из моделей управления. Что означает тот или иной культ (религиозный, идеологический) – почитание; служение; страх быть наказанным, неуслышанным, отвергнутым? В нашем примере с бесписьменными (современными) родоплеменными сообществами что управляет такими сообществами? Ответ интуитивно понятен – это, прежде всего, страх оказаться отвергнутым обществом, остаться за пределами этого сообщества как одно из возможных наказаний за нарушение сложившихся неписанных правил (поведение в обществе, «обычное право», «неписаное право»), правил, которые передаются через устойчивые устные повествования из поколения в поколение, поддерживаются ритуальными практиками. Менее строгие наказания связаны с понижением социального статуса члена этого сообщества путём физического наказания, лишения части распределяемых социальных благ и т.п. Право совершать ритуалы, управлять сообществом получает избранный круг людей от *высшего источника силы* (сил непознаваемых, жестоких, но справедливых). Разрастание ареала проживания людей, развитие культуры и религии потребовали создания у всех групп некоего универсального механизма получения «от высших сил» права на управление, на наказание. Приведём примеры подобных универсалий. Поскольку все законы, устные или письменные, связаны с языком, то и примеры из языка являются надлежшими. По Хайдеггеру, больше нигде, кроме как в языке, мир полностью не присутствует: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [16, с. 314].

Несмотря на языковое разнообразие (от 3-7 тысяч языков), в языках установлены универсалии и семантические примитивы (неразложимые смыслы, через которые осуществляется толкование всех остальных слов,

понятий). Не вдаваясь в описание этих понятий, заметим, что потребность выделять в окружающем мире невидимые и могущественные силы описана для всех культур. Следовательно, способность общаться с этими силами, обозначать свою большую или меньшую вовлеченность в такое общение, а следовательно, приобретение посредством этой силы либо предвидения воли высшего существа возвышает обладателя этого сообщества над другими. Ритуальные практики, религиозные нарративы, передаваемые из поколения в поколение, так же как и язык, формируют поведенческие модели, иерархическую систему ценностей данного сообщества. В свою очередь, обладатель сакральности наделяет ею другие вещи, в том числе «*правила по управлению обществом*» – законы. Наделение закона сакральностью решает несколько задач: закон не связан с жизнью индивидуума, носителя сакральности; закон – это инструкция по воспроизводству ритуальных практик. В нем в общем виде описаны процедуры понижения или повышения социального статуса, выбор нового носителя сакральности.

Принесение присяги избранным главой государства на основании правовой нормы, записанной в Конституции, на Библии (или Коране), так же как присяга некоторых категорий государственных служащих, является ярким примером проведения ритуальных действий с целью наделения властными полномочиями с использованием законов, имеющих сакральное значение (Конституция). В 2009 г. американский президент Барак Обама принес клятву сразу на двух Библиях: на «Дорожной Библии» Мартина Лютера Кинга и на Библии А. Линкольна (на которой присягал ещё президент Авраам Линкольн в 1861 г.). Отметим, что при вступлении в должность Конституция не требует от президентов США присяги на Библии. Однако каждый новый избранный президент выбирает для себя, на каком экземпляре Библии приносить присягу. В России присяга Президента Российской Федерации, как и присяга судей Конституционного Суда РФ, носит светский характер и приносится на Конституции Российской Федерации; нового Президента приводит к присяге Председатель Конституционного Суда РФ. Вышеприведённые примеры указывают на переход сакральности от Священного Писания на светские тексты, такие как Конституция. Ритуал приведения к присяге первых лиц в государстве заменяет собой процедуры коронации. Защитник веры становится Гарантом Конституции.

Обращение к справочной информационной системе «Гарант» с запросом «клятва» выдаёт по законодательству России 82 федеральных и 355 региональных законов, с упоминанием различного рода клятв. Как и любой культ, закон требует служения, поклонения, наличия последователей. Аналогию с культом можно заметить именно в клятвах, так Судья Конституционного Суда Российской Федерации приносит присягу следующего содержания: «Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более», как указано в ст. 10 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Конституция наделяется сакральным значением – символом, которому служит судья при исполнении своих обязанностей, присяга приносится под государственным флагом и гербом перед собранием судей – других «*посвящённых*». Между тем *Новый Завет* прямо запрещает клясться:

*«А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;³⁵
ни землёю, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;³⁶
ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.³⁷
Но да будет слово ваше: “да, да”; “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5:35-37).*

В результате мы видим несколько взаимоисключающих тенденций в вопросе «*клятвы*» (присяги). Как указывает Б. Д. Греков, «в договоре Игоря 944 г. прямо говорится о той Руси, которая уже приняла христианство – она на договоре клялась по христианскому обычаю... а те, которые не крестились, клялись на оружии богами *Перуном* и *Волосом*» [8, с. 477].

Итак, первые договоры Руси с Византией (X в.) – межгосударственные договоры получали свою легитимацию посредством принесения клятв как по христианскому обычаю, так и по языческому обряду, с принесением клятвы языческим богам.

Благодаря юридической антропологии мы узнаем, как устроены этнические группы на догосударственной стадии развития, какое значение имеют правила поведения в обществе и какую эволюцию пережили эти правила поведения, прежде чем сформировать государства, основополагающим принципом которых объявляется *верховенство права*. В основных политических документах Совета Европы, а также в различных конвенциях и рекомендациях систематически упоминается *верховенство права*. О нем, в частности, говорится как об элементе общего наследия¹. В настоящей статье мы можем отметить определённую эволюцию сакральных аспектов закона. В западной цивилизационной модели процесс сакрализации распространяется на правовые принципы и доктрины. Вряд ли есть необходимость доказывать, что правовой принцип «*верховенство права*» используется за пределами права, закона и государства, превратившись в сакральный элемент государственного управления и идеологии. Нами описаны элементы сакрального и государственного мифотворчества, которые успешно интегрированы в современные западноевропейские государства. Отметим современные «невяные» механизмы сакрализации. Важнейшим посредником в общении с неведомыми и могущественными силами природы становится государственная наука. Средства массовой информации входят в каждый дом, каждый компьютер и телефон, чем обеспечивается тотальный контроль над скоротечными процессами «обожествления», «демонизации», «формирования претендентов на роль козлов отпущения» первых персон общества. Вместе с тем создаются ложные «идолы» и «кумиры» (так называемые лидеры общественного мнения), чьё последующее развенчание является делом быстрым и позволяет управлять настроениями в обществе. В результате охраняются ценности, заложенные в основание общественных институтов, такие как преклонение

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950.

перед законом («верховенство права», «правовое государство», «независимый и беспристрастный суд»), уважение к законодательной, судебной и исполнительной власти.

Список источников

1. Андреева Л. А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. С. 85-102.
2. Апрелева В. А. Актуальность и смысл политико-правового учения Платона // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2011. № 16. С. 4-12.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: NOTA BENE, 2000. 576 с.
4. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 432 с.
5. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство МГУ; ИНФРА-М; НОРМА, 1998. 624 с.
6. Бохеньский Ю. Сто суеверий: краткий философский словарь предрассудков. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
7. Вилков А. А., Захарова Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: Наука, 2010. 200 с.
8. Греков Б. Д. Киевская Русь. Л.: Госполитиздат, 1953. 569 с.
9. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
10. Пастуро М. Символическая история Европейского Средневековья. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
11. Рулан Н. Юридическая антропология. М.: НОРМА, 1999. 310 с.
12. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 212 с.
13. Сумачев А. В., Лезьер В. А. Насилие и жертвоприношение как феномены публичного правосудия: философско-правовой аспект // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 6-7. С. 170-174.
14. Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX-XI вв. Волгоград: Издательство ВГУ, 2003. 164 с.
15. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Издательство политической литературы, 1986. 704 с.
16. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Проблема человека в западной философии: сборник переводов / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова*. М.: Прогресс, 1988. С. 314-356.

SACRAL ASPECTS OF THE LAW

Zvereva Polina Konstantinovna
Industrial University of Tyumen
 polyusha@inbox.ru

A careful examination of the evolution of the most important concepts: *sacral, sacred, law, sovereign, ritual*, testifies to the absence of their universal understanding. The forms and practices of religious life have changed their names and become integral attributes of the modern state-legal system. The phenomenon of sacralization and desacralization of objects of the surrounding reality is investigated with the use of a linguistic analysis of legal and religious texts. The mechanisms for the attribution of sacredness to legal texts and state institutions, such as judges and presidents, are described. The models of reproduction and maintenance of sacred texts and social institutions by features of human consciousness and social practices are explained. The considered examples point to the transition of sacredness from Holy Scripture to secular texts, such as the Constitution. The swearing-in of the first persons in the state replaces the ritual of coronation; the Defender of the Faith becomes the Guarantor of the Constitution. The work traces the evolution of elements of sacredness from primitive societies to highly developed information societies of the postindustrial world that have the goal of social regulation of the society.

Key words and phrases: sacral; law; right; state; sovereign.

УДК 711

Искусствоведение

В работе проведен анализ произведений архитектуры советского модернизма в Ростове-на-Дону, важнейшим элементом декоративного убранства которых стали мозаичные панно. Благодаря творчеству художников-монументалистов, объединенных деятельностью Ростовского комбината монументального искусства, мозаика широко распространилась в художественной практике 1960-1980-х годов. На базе анализа широкого круга произведений выявлены основные варианты включения мозаичного панно или объемного мозаичного объекта в архитектурную композицию, проведена классификация тематики мозаик.

Ключевые слова и фразы: Ростов-на-Дону; архитектура 1960-1980-х гг.; советский модернизм; декоративное убранство зданий; мозаика; монументальная живопись.

Иванова-Ильичева Анна Михайловна, к. архитектуры, доцент

Стушняя Ирина Алексеевна

Орехов Николай Власович, доцент

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

AMI0202@yandex.ru; stushnyaya@yandex.ru; NIKOR42@yandex.ru

**МОЗАИКА В ДЕКОРАТИВНОМ УБРАНСТВЕ ЗДАНИЙ ЭПОХИ
 СОВЕТСКОГО МОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ)**

«Советский модернизм» – термин, который введен в научный обиход достаточно недавно и обозначает стиль архитектуры, распространившийся в Советском Союзе на протяжении временного периода между